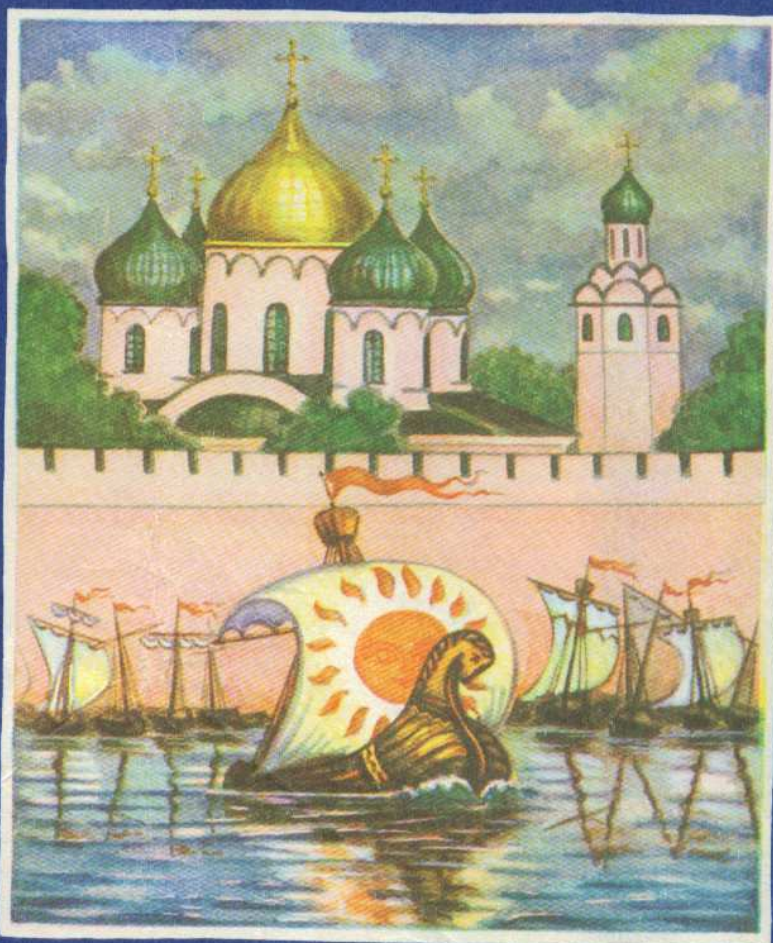

МОСКВА
«САМОВАР»

КНИЖКА

СААКО

РИСУНКИ
А.ШЕВЧЕНКО

Редакционно-издательское объединение
«САМОВАР»

ISBN 5-850066-001-1

© РИО «Самовар»

ак на славной реке да на Волхове, что вежит-
течет да из Ильмень-озера, широко раски-
нулся славный город—господин Великий
Новгород. Из конца в конец целый день идти,
а посадов да пригородов глазом не окинуть, у
пристаней на Волхове корабли стоят, что
белые лебеди в заводи.

Живут в Новгороде люди богатые, торговые. Весело живут,
каждый день пиры дают почестные, широкие. На пирах гусляров,
скоморохов кишмя кишит, гостей потешают, увеселяют, зато и
сыты бывают. На Руси пир без песни не водится, а лучше нет
гусляра в Новгороде, чем молодой Садко. Всех звончее, всех
веселее наигрывает Садко на гусельках своих яровчатых; почет
ему на пирах широких, и вина горю поднесут, и накормят досыта.

Только пришла раз к Бадко невзгодүшка—не зовут его на пиры, да и только: и день, и два, и три... Ходит голодный Бадко по Новгороду, в чужие окна заглядывает. Везде люди за столами сидят, меды пьют, пироги жуют, а у Бадко куска хлеба нет. Опечалился добрый молодец, пошел он к Ильмень-озеру, сел на бел-горюч камень и стал на гусельках наигрывать. Было тихо озеро, гладкое, как зеркало, а как стал играть Бадко—расплескалось, запенилось...

”Что за притча,—думает,—ветру нет, а волны заходили?” Испугался, перестал играть, пошел в Новгород.

На другой день бродит опять без дела Бадко по Новгороду. Горько ему, голодному, на чужие пиры смотреть, пошел опять к Ильмень-озеру. Сел у тихой заводи, стал песни наигрывать. Только глядь—завурлило, зашумело широкое озеро, показался из воды Водяной—хозяин Ильмень-озера—и говорит Бадко:

— Полюбилась мне, Бадко, игра твоя нежная, жалостливая, ну и я тебя пожалую: научу, как богатым стать. Ступайка ты назад в Новгород, а как позовут тебя на пир, ты бейся с купцами об великий заклад, что есть в Ильмень-озере рыба—золотое перо. Ставь в заклад свою буйну голову, а с купцов бери лавки товара красного. Как ударись с ними об заклад, сделай себе шелковый невод и приходи к озеру, а я тебе дам три рыбы—золотое перо. Выиграешь их заклад и разбогатеешь.

Исчез Водяной в волнах, а Бадко пошел к себе в Новгород. Только пришел домой, а его уже ждут, зовут на почестен пир.

Стал Бадко на гуслях наигрывать, стали его поить зеленым вином да хмельной брагою. Стали гости на пирю хвастаться, друг перед другом выхваляться. Тут закричал Бадко зычным голосом:

— Вы послушайте меня, гости званые! Знаю я, что есть в Ильмень-озере чудо чудное, диво дивное: есть в озере рыба—золотое перо!

Смеются над ним купцы:

— По-пустому ты, гусляр, хвастаешь! Никто никогда такой рыбы не видывал, не вылавливал. Нет ее в Ильмень-озере, нет и не было!

Стоит на своем гусляр, купцов раззадоривает:

— Ну так бейтесь со мной об великий заклад: заложу я вам свою вуйну голову, а вы ставьте лавки товара красного, миткалей, да камки, да сукна с бархатом.

Заложили три богача купца по три лавки товара красного, на том дело поладили и рюковитьем об заклад спор покончили.

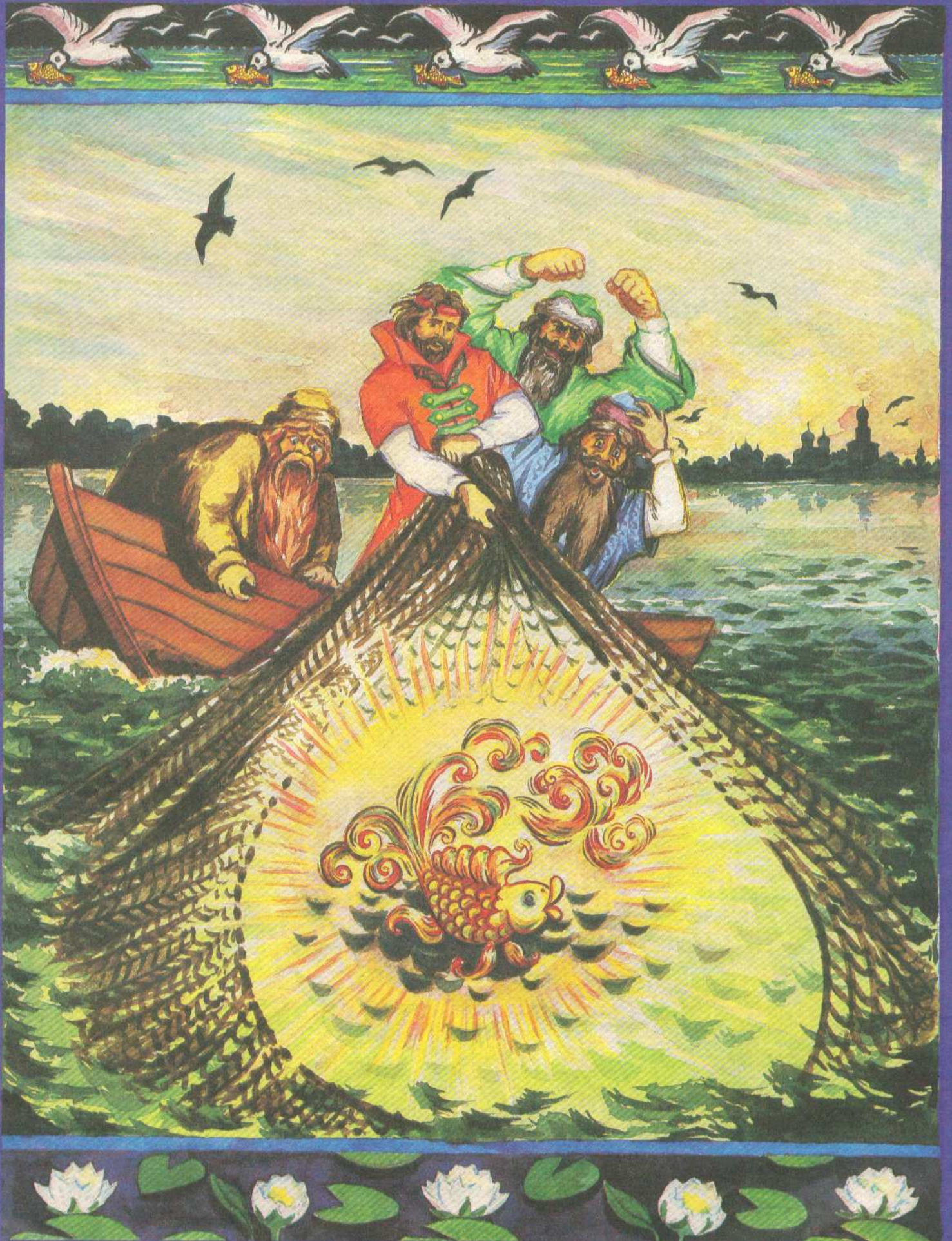
Связали шелковый невод, пошли к Ильмень-озеру. Видят небывалое диво. Забросил Бадко в первый раз невод и вытащил чудо-рыбу—золотое перо, закинул в другой—и другую выудил, в третий раз закинул—поймал третью. Проспорили купцы, отдали они Бадко девять лавок.

Стал Бадко торговать, и привалило к нему счастье невиданное: такие барыши получил со своих товаров, о каких и не слыхивали. Построил Бадко себе палаты белокаменные, а в них устроил все по-небесному: на небе солнце—и в палатах солнце, на небе месяц—и в палатах месяц, на небе звезды—и в палатах звезды.

Разжился Бадко, зазнался, зачванился.

Как-то раз созвал он на великий пир знатных бояр, посадских людей. Сидят гости, прохлаждаются, пьют, едят, похваляются: иной хвастает бессчетной золотой казной, другой хвастает силой-удалью молодецкой, который хвастает добрым конем, умный хвастает старым батюшкой, глупый—молодой женой. Только сам хозяин сидит молчит.

Говорят ему гости:

— Что же ты, Бадко, ничем не хвастаешь?

— Да что мне хвастать? Вы и сами знаете, что у меня платья цветного не износить, дружины не перечесть, а на свою золотую казну я могу скупить все товары новгородские, так что вам и торговать нечем станет...

Словили его на слове; ударились с ним об заклад посадник да тысяцкий, назначили заклад немалый—тридцать тысячей.

Встал на другой день Бадко раным-рано, разбудил дружину, дал им золотой казны без счету, послал скупить все товары. Сам пошел в гостиный ряд посмотреть, как опустеют лавки новгородские. И впрямь к вечеру все лавки пусты, на пристанях корабельных хоть пляс пляши. Не найти в Новгороде товару ни на малую полущечку, ни на медный грош. Обрадовался Бадко, загордился.

Пошел на другой день в гостиный двор, смотрит—торг шумит, в лавках товаров вдвое против прежнего. Повыкупил и во второй день Бадко все, что навезли. Думает, что на другой день с господином Великим Новгородом справится, а не тут-то было: навезли товаров втрое против прежнего, подоспели товары московские, и опять стоят лавки полным-полны.

Тут Бадко задумался, образумился:

— Не осилить мне, видно, Великого Новгорода, богаче он меня. Скуплю сегодня товары московские, а завтра подспеют товары заморские...

Отдал Садко тридцать тысяч и с тех пор уже не спорил с господином Великим Новгородом.

Построил на свою бессчетную золотую казну Садко тридцать кораблей изукрашенных. Бока у кораблей выведены позвериному, корма по-гусиному, а нос по-орлиному, вместо глаз вставлено по яхонту. Погрузил на корабли все скупленные товары, поехал по Волхову в Ладожское озеро, а оттуда на Неву-реку и выехал в самое море. Продал за морем все товары новгородские с барышами великими, везет домой сорок бочек с красным золотом да три сорока с чистым серебром.

Плывут корабли в Новгород, точно стая лебединая. Вдруг разыгралось синее море, поднялась буря великая. Рвет ветер буйные паруса, гнет мачты крепкие, ломают волны корабли, а те стоят, точно к месту приросли, тронуться не могут.

Говорит тогда Садко:

— Вы, дружинишка моя храбрая! Ездим мы по морю синему, берем барыши богатые, а Морскому Царю дани не плачивали. Разгневался, видно, на нас Морской Царь, тревожит от нас свое заслуженное. Берите-ка вы бочку чистого серебра, спускайте-ка в море, авось он и смилуетя.

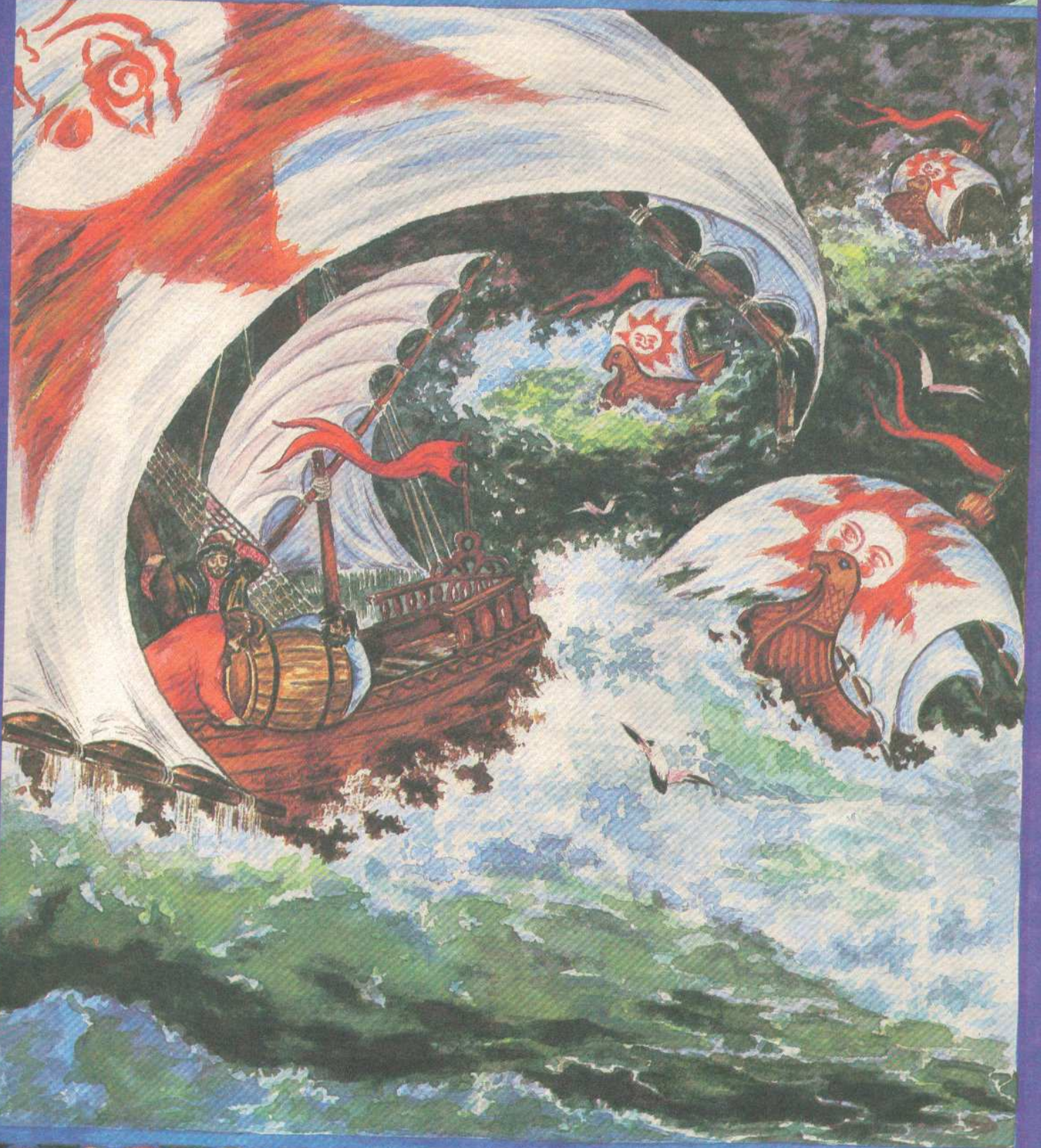
Спустили молодцы бочку с серебром, а буря все не унимается, пуще прежнего ветер паруса рвет...

— Видно, мало царю дани показалось, — говорит Садко, — спускайте еще бочку с красным золотом.

Спустили бочку с золотом, а Царь Морской бешует, не унимается.

Закручинился Бадко:

— Видно, Царь Морской живой дани требует. Знать, одному из нас идти к Морскому Царю. Бросимте жребий: чей жребий утонет, тому и идти к Морскому Царю.

Сделали дружинники себе жребии из таволги, подписали имена, а Бадко пустил вместо жребия хмелевое перо. У всех жребии, точно утицы, по воде плывут, а у Бадко ключом ко дну пошел.

— Нет, неправильно, братцы, мы эти жребии придумали; пусть теперь тот в море идет, чей жребий по воде поплывет,— говорит Бадко.

Сделали себе дружинники вновь жребии из таволги, а Бадко бросил жребий булатный. У всех жребии на дно камнем пошли, а у Бадко жребий гоголем по волнам плывет.

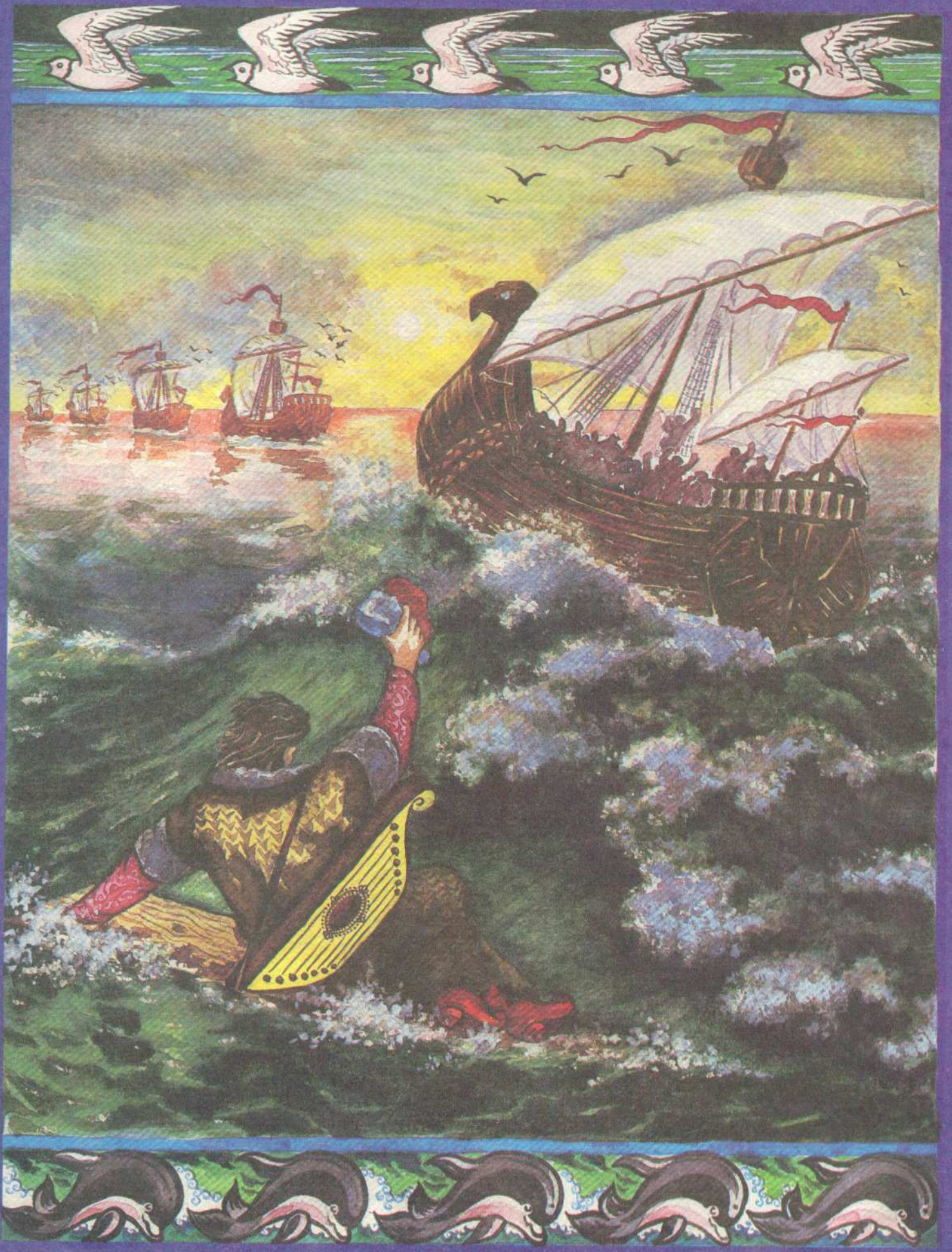
— Ну, прощайте, братцы!—говорит Бадко.—Знать, меня Морской Царь к себе требует. Надо мне с белым светом прощаться, принесите мне перо лебединое, чернильницу, бумагу гербовую—завещание писать.

Стал Бадко именные отписывать: одну четверть на церкви Божии, другую—нищей братии, третью—молодой жене, четвертую—дружине своей храброй.

— Дайте-ка мне, братцы, гусельки мои яровчатые, поиграю я на них, потешусь напоследки, больше уж мне на них не играть. Али взять мне гусельки с собой в синее море? Все не так мне будет страшно умирать...

Спустили дружинники Бадко на дубовой доске в море, и тотчас унялась буря. А все корабли с места тронулись, паруса полотняные ветром наполнились, и полетели ладьи ясными соколами.

Сидит Бадко на доске, на гуслях тренькает, тужит о своей судьбе, со страху глаза зажмурил. А волна доску покачивает, Бадко убаюкивает, и не заметил Бадко, как уснул глубоким сном.

Проснулся Бадко и глазам не верит: очутился он на самом дне. Над ним пучина морская зывается, сквозь зеленую воду едва проникает свет солнечный. Перед Бадко стоят палаты белокаменные. Вошел Бадко в терем, видит, сидит перед ним Морской Царь, на голове корона золотая, в бороде водоросли запутались, а вокруг царя плавают рыбы да всякие гады морские.

— Здравствуй, Бадко, — говорит Морской Царь. — Ты, купец, давно по нашему морю плаваешь, а дани не плачиваешь, вот и пришлось теперь тебе самому ко мне пожаловать. Ты, говорят, мастер на гуслях играть, поиграй-ка мне, я тебя послушаю.

Подтянул Бадко на гуслях шпеньки, ударил по струнам золоченым. Развеселился Морской Царь, распотешился. Стал на троне подпрыгивать, а потом вскочил да и пошел плясать — ногами бьет, в ладоши хлопает. А от пляски Морского Царя гуляют по морю волны, каких и не видывали. Все море песком со дна замутилось, волны вздымаются, бурлят, корабли бросают, тонут корабельщики, Николе Можайскому молятся, чтобы спас их угодник Божий от великой напасти.

Играет Бадко день, играет другой, играет третий. Вдруг слышит, кто-то его за плечо трогает. Овернулся — стоит старичок старенький, седенький, говорит Бадко:

— Полно, Бадко, не играй больше, видишь, от пляски Морского Царя какая буря приключилась...

Видит Бадко, тонут корабли, на дно падают, да боязно Бадко перестать играть.

— Рад бы я перестать, — говорит он старичку, — да играть-то мне приказано. Тут во синем море у меня не своя воля.

— Ты оборви у гуслей струны, выломай шпеньки, — учит его старичок, — как станет тебя Морской Царь заставлять, ты и скажи, что сломались гусли, а починить нечем. Станет тогда Морской Царь тебя сватать на девице-красавице, покажет тебе всех морских красавиц, а ты выбирай себе самую невзрачную, Чернаву, но смотри не целуй ее, если хочешь вернуться в Новгород.

Послушался Бадко. Изорвал струночки, изломал гусельки.

— Что ж не играешь, Бадко, на своих гусельках яровчатых, — спрашивает Морской Царь, — что ж меня, старика, не потешаешь?

А Бадко ему отвечает:

— Я бы рад играть, да гусли поизломались, нечем их починить, нет у тебя в синем море ни струн, ни шпеньков.

Нечего делать, успокоился Морской Царь и говорит Бадко:

— Ты мне, молодец, нравишься, хочешь, я женю тебя на девице-красавице?

— Что ж, у меня в море не своя воля, жени.

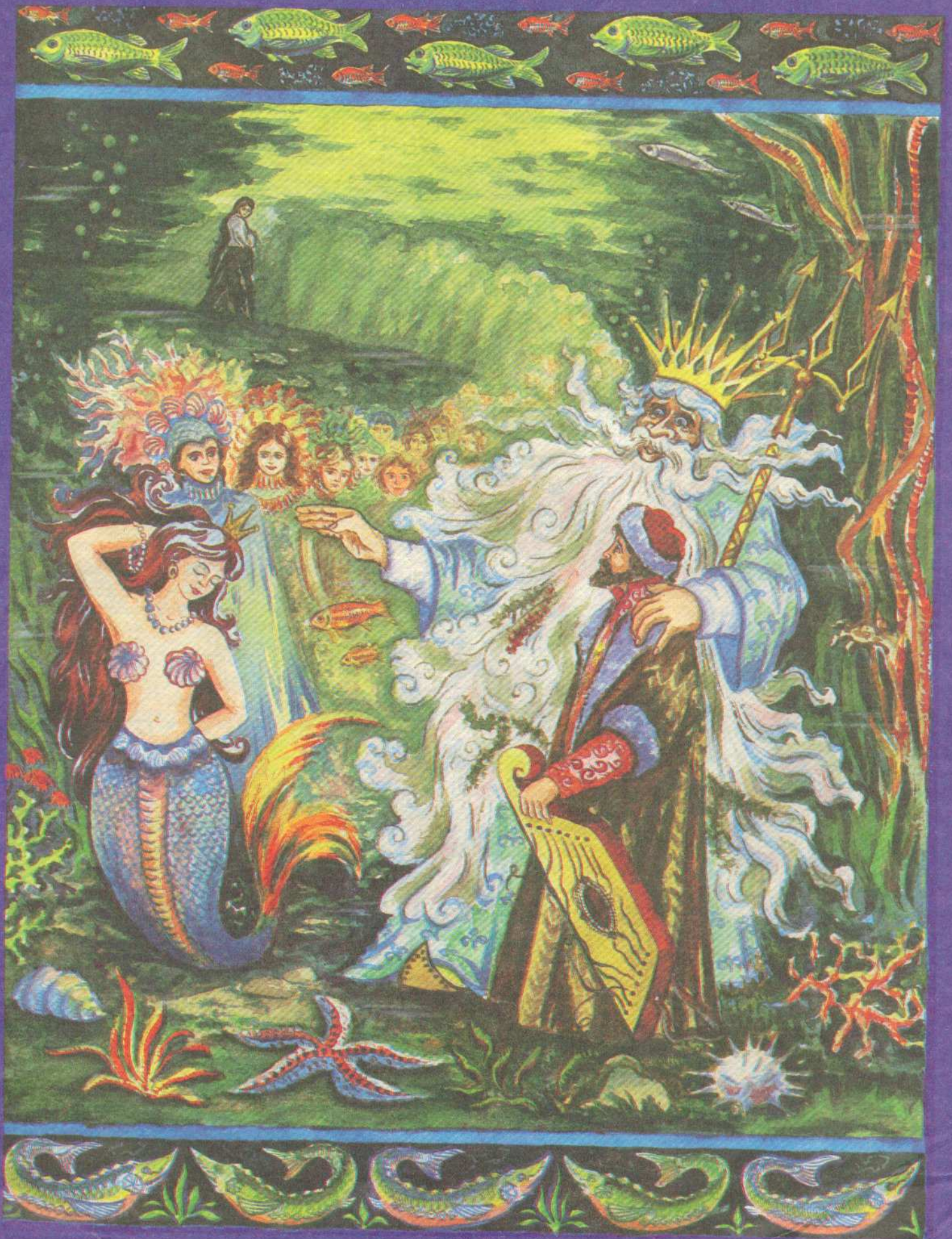
Стал Царь Морской показывать Бадко невест: одна другой красны девицы краше. Пропустил их Бадко триста, и еще триста, и еще. Позади всех идет девушка Чернавушка, самая невидная, хуже всех приврана. Бадко и говорит:

— Вот эта, Морской Царь, мне приглянулась.

Стали они пировать, свадьбку играть. Не забыл Бадко наказа — не обнял, не поцеловал невесты.

Проснулся Садко на другой день и видит: лежит он на крутом берегу у речки Чернавы, что под Новгородом.

Встал Садко, пошел к Новгороду, а по Волхову бегут его тридцать корабликов, встречает их жена Садко, плачет:

— Не воротится ко мне Садко из-за моря синего!

А Садко уж тут как тут стоит, с дружиной здоровается!

Удивились дружинники:

— Как же ты впереди нас очутился? Остался в синем море, а встречаешь нас на Волхове, у Новгорода!

Рассказал им Садко все, что с ним приключилось. Затеяли они на радостях пир горой. Стала тут упрашивать Садко молодая жена:

— Милый мой, надежда, опора моя крепкая! Ты не ездь больше торговать за синее море, благо ты теперь-то жив домой вернулся!

Послушался Садко жены. Разгрузил с кораблей бесчисленную золотую казну, построил церковь Николе Можайскому, покровителю и заступнику мореплавателей. Как жар горели ее золотые маковки, весь иконостас драгоценными камнями сиял.

Не стал больше ездить Садко по синему морю, а жил себе тихо да скромно в Новгороде.

САДКО (Былина)

В обработке *К. Михайлова*
Ответственный за выпуск *Танасийчук О. А.*
Технический редактор *Удальцова Т. В.*

Подписано в печать 10.12.92. Формат 60 × 90^{1/4}. Бумага офсетная «Гознак».
Гарнитура «Ижица». Печ. л. 2,0. Тираж 100 000 экз. Заказ 2105.

Издательство «Самовар». 127018, Москва, а/я 90.

Фирма «ОЛТАН». 125284, Москва, ул. Поликарпова, 19-1-72.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Министерства
печати и информации РФ. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

